

АНГЕЛ ЗА ЛЕВЫМ ПЛЕЧОМ

Повесть и рассказ

«ОКОВЫ ТЯЖКИЕ ПАДУТ...»

Доктор стоял на лестничной площадке и курил. Хлопнула дверь. Вышла соседка с мусором. Не здороваясь, протопала к мусоропроводу, гроыхнула металлической, выдающейся, как у поэта Маяковского, вставной челюстью приемника и, выказывая силу, вбила, втиснула в разъятый зев поношу. Послышался гулкий прерывистый шум летящего в пропасть. Потом — стихло. Мусорные боги приняли жертву. Механический кишечник мусороустройства начал неутомимый, неспешный процесс утилизации, переваривания очередной порции «дарёнки»... Соседка молча прошла мимо. Хлопнула дверь. Наступила тишина.

Доктор курил и думал. О жизни. Хотя что о ней думать, и так ясно было, что — хреновая: минут за пять до описываемых событий он в очередной раз поцапался с женой. Началось, как всегда, с пустяка, с ерундовины сушей, а в итоге вышла полная жесть. Долота не уставал удивляться уникальной способности женщин из всего создавать проблемы, во всем видеть вторые, третьи, пятые смыслы... Их стремлению и умению влезть, что называется, под кожу, «развести на нервы», умелости и изобретательности в прессовании...

За окном пошел снег.

«Бедные декабристы... Испоганили им, поди, чертовки каторгу всю! Не Сибирь у мужиков через них вышла, а сплошное недоразумение!»

Под «чертовками» Долота имел в виду вторых половинок некоторых из родовитых государевых преступников того далекого 1825-го, всех их — и знаменитых, и не очень, — не устранившихся, не убоявшихся нравов и ужасов каторги. Внутренним зрением доктор Долота как бы увидел наяву стоящих на сибирском морозе несчастных аристократов. В Нерчинске, там, или в Якутске... «Во глубине сибирских руд», в общем, едва-едва скинувших кандалы дорожные... Выглядели порозовевшие на ядреном морозе страдальцы оживленными, даже радостными, оттого что закончился тяжелый многомесячный этап, с ночевками в клоповниках пересылок и грубой бесцеремонностью конвоя. Представил их — даже не догадывающимися еще о том, что ожидает их вскоре, какой сюрприз предуготован уже изменчивой судьбой... И — от души посочувствовал изгоям. Во всяком случае, тем из них, до кого добрались, спустя некоторое время, неотступные в своих зловещих намерениях невесты и жены: «Скоро получите! Это вам не Следственная Комиссия, не равелин алексеевский и прочие петропавловские “курорты”, не Милорадович, которого можно вот так запросто пулькой с коника скovyрнуть!..» А ведь неспроста запрещали следовать дурам этим в Сибирь-город, добывать мужиков-то своих, ох, неспроста! Выходило, что уже тогда, даже при царизме проклятом, и то понимали, что нельзя, невозможно к наказанию официальному добавлять еще и «женский фактор»... Долота представил себе все, что выслушали от жен своих «долгорукие» и «волконские» за Сибирь свою многолетнюю, и почему-то поежился.

Загудел лифт. Надсадой электромоторов, шуршанием шкивов, ритмичными стуками тросовых барабанов, периодически случавшимися глухими ударами лифтовых кабин о какие-то выступы шахт на «проблемных» этажах, мешая Долоте думать, не давая сосредоточиться. Что-то очень важное зрело внутри Долоты, как нарыв. Но, словно не видя открытых настежь дверей, топталось где-то внутри, возле самого входа в сознание...

Он глянул в площадочное окно. Далеко внизу, там, в центре двора, как муравьи, сустились, копошились крошечные черные фигурки — дети лепили из свежевывавшего снега бабу... Наблюдая за копошащимися в снегу детьми с высоты своего пятнадцатого этажа, Долота долго еще не мог выйти из темы: «Эх, досталось, конечно, мужикам — не приведи, Господи!..»

Сигарета горчила, как жизнь. Долота попробовал было пускать кольца табачного дыма, да не пошло что-то. Сигаретный дым змеился и, завиваясь, тянулся к потолку, чтобы растаять, кануть в никуда, без следа. Вздыхнул, махнул рукой и поплелся в квартиру...

Все вещи и предметы из чего-то состоят. Вода — из водорода и кислорода, сера — просто из серы, воздух — вообще не что иное, как смесь газов. Николай Петрович Долота процентов на пятьдесят отлит был из

червонного золота примерного семьянина, на пятнадцать — из неумемного желания докопаться до жизненной правды, и на оставшиеся тридцать пять — из наивного стремления разобраться в себе. Эти-то тридцать пять чаще всего и подводили его под монастырь...

Будильник начинал орать и буянить ровно в шесть тридцать. Точнее — будильники. Потому что было их аж целых три! Первый, основной, дремал в засаде, в изголовье, на прикроватной тумбе. Желтый, как цыпленок. Но, дождавшись часа своего, голосил как заматерелый петух... Несколько секунд спустя на подмогу ему приходил дрейфующий неподалеку, в том же квадрате тумбового «моря», мощный айсберг моби́льника. Он взывал корабельной сиреной, вибрируя, бился, как припадочный во время приступа, дрейфуя по полированной поверхности тумбы к самому краю, рискуя однажды навсегда низвергнуться... Последним в дело вступал хитрый и осторожный «японец» — будильник новеньких наручных японских часов Долоты. Будучи «буддистом» по природе своей, был он самым миролюбивым и необременительным — в указанное время деликатно выдавливал из себя двенадцать натужных каловых орешков звуковых сигналов и, с чувством выполненного долга, смолкал до следующего утра, не докучая более хозяину.

Но, если уж быть честным до конца, следует сказать, что герой наш все же почти всегда просыпался сам, минут за двадцать до назначенного срока. Повинуясь внутренним часам. Просто лежал в темноте и просто думал. Обо всем. О жизни, о предстоящей работе, о том, что нужно обязательно сделать сегодня, а также о том, чего нынче делать нельзя, невозможно ни при каких обстоятельствах...

Остановив «засветлоподъемники», Долота замирал, прислушиваясь к ровному дыханию супруги. Потом аккуратно сползал с дивана, верно служившего в течение последних пятнадцати лет супружеским ложем чете Долот, и тупо топал в ванную... Зарядки он не делал и спортом не занимался. Почему? А с какой стати? Долота давно понял, что если написано на роду умереть здоровым, то и умрешь здоровым, а если же больным — тогда предстанешь перед Всевышним больным. Вот, собственно, и весь выбор. Вся диалектическая правда жизни. Потому что от чего-то ведь все равно рано или поздно умирать придется. А если так, то и дергаться не стоит. В общем, формально являясь христианином (по факту крещения), Долота, конечно же, был ни кем иным как фаталистом. Мало того, догадывался он, что именно фатализм и является той самой фактической, по-настоящему востребованной сердцами и умами, «религией» основной массы россиян: миллионов и миллионов христиан и мусульман, буддистов и атеистов, коммунистов и демократов, записных государственников и прожженных сепаратистов. Почти всех, словом. Потому что в непредсказуемой стране, шарахающейся из одной крайности в другую, быть фаталистом значило дать себе хоть какой-нибудь шанс, возможность еще потянуть, придержать, как говорится, кота сиюминутной жизни за поганый хвост...

Свежий, как роза майская, прихлебывая на кухне чай (аппетита по утрам почему-то давно уже не было), Долота просмотрел по Первому набежавшие за ночь новости. Удивительное дело, происходило нечто невообразимое, непредставимое: за сутки в стране не разбился ни один самолет, не свалился под откос ни один состав, ни в одном российском городе не обвалились крыши спортивно-развлекательных сооружений, нигде не рванули баллоны с бытовым газом! Даже из Чечни не пришло, ставших уже давно привычными, тревожных вестей!.. Но и это не развело Долоту на эмоции (по большому счету, его давно уже ничего не грузило), лишь заставило в очередной раз выставить жизни высший «катастрофной» бал: затишье это, определенно, было передышкой перед очередными катаклизмами и посему неминуемо должно было вскоре закончиться. К гадалке не ходи...

Николай Петрович машинально оделся и машинально вышел вон. Стоя в коридорном тамбуре, он привычно проверился. Как проверяются разведчики на войне перед выходом на боевое, в тыл коварного врага? Алгоритм проверки был предельно простым, но эффективным. Он включал в себя пять несложных действий — «милиейское» прохлопывание карманов: нагрудных — слева (документы и проездные), справа (карманный компьютер); брючных — слева (ключи, бумажник), справа (сигареты, зажигалка). В завершение Николай Петрович «справлялся» о наличии на брючном поясе моби́льника. Нет, все нормально, все вещи находились на своих законных местах.

Нажав кнопку вызова и пребывая в ожидании, от нечего делать глянул в площадочное окно: на улице было белым-бело, вьюжило, снежинки метались, кружились в танце...

Лифта долго-долго не было. Как всегда. Но зато — славься жизнь! — он все-таки работал, горемыка: из лифтовой шахты доносилось грозное гудение, как будто бы там поселился шмелиный рой. Наконец, натружено гудя, спотыкаясь и останавливаясь на всех заинтересованных этажах, татуированный непристойными надписями механический полуинвалид добрался и до Долотиного, предпоследнего.

В лифтовой кабине Долота еще раз мысленно повторял, проделывал в уме ежедневный свой маршрут, такой привычный и непредсказуемый: пешедралом до метро «Юго-Западная», от нее — до «Лубянки» (переход на «Кузнецкий мост»), далее — опять метроредвижение до «Сходненской», потом — автобус до «Братцево». Ибо знать наверняка, в какой точке, где конкретно, тебя подставят, кинут сегодня, какие сюрпризы на сей раз преподнесет дорога — было невозможно. Именно поэтому следовало быть готовым ко всему. Коварный и непредсказуемый Город, предоставляя москвичам возможность жить одним-единственным, сегодняшним, днем,

давно уже, по мнению Долоты, вел со своими кроткими и законопослушными насельниками откровенную войну, сечу тайную, битву смутную, необъявленную...

Вообще народишко на Руси изводили («чморили», «гнобили» и тому подобное) издавна. Зато уж — на совесть, основательно. И методично. Истоки традиции этой восходили корнями к далекому прошлому, к временам еще оным, батыевым, и ранее. Кое-кому могло бы показаться даже (западным либералам-чистоплюям, по преимуществу), что пренебрежение материалом человеческим, бессмысленное уничтожение и уничтожение его, вообще является если не основной целью, то, во всяком случае, одним из приоритетов «третьеримского» царства-государства. А вот взяли бы, да и попробовали бы господ хорошии эти поставить себя на место князя нашего средневекового, к примеру, а потом бы — судили да рядили! В момент, когда налогов собрано — с гулькин нос, денег в казне — днем с огнем, бояре — заговоры плетут, братья родные — извести мечтают, татары — ясак требуют, ярлык ханский — намедни закончился, продлевать опять надо, а из командировки в Орду вернешься ли — вещунья надвое сказала, реформы, мать их, буксуют, а Литва — войною грезит и грозит... Когда настроение — ниже носка сапожка ялового. И попробовали бы найти ответ на простой вопрос: чем и как в условиях таких нечеловеческих князю тому самооценку поднять? Как отвлечься от думушек тяжких? Вот тогда бы, поди, и дошло бы, даже до самых тугих из них, почему, с каких таких коврижек, приходилось руководителям нашим, во главе дружин «при полном доспехе, на ратном коне, под древними великокняжескими знаменами», как писали летописцы, поспешать до Новгород-города, поторапливаться, горлопанов тамошних на колы насаживать, батожком да кнутиком, кнутиком да батожком — работать, и работать, и работать, да дыбкою-матушкой, разлюбезной, не гребовать. Прореживать, пропалывать огородик своенравный свой. А чем еще прикажете развлекаться?.. А холопов этих — хер ли их жалеть-то? Народишко-то, он ведь опять отрастет. Вскоре. На третий день. Что щетина. Как поэт сказал. Оглянуться не успеешь, глядь, опять черно в глазах! Стало быть, не за горами новое прореживание... И — так далее... Или представили бы себя на минуту императором нашим, самодержцем российским... Вот, сделайте милость, господа либералы, встаньте на минутку на место сие высокое. Воссядьте, так сказать, на трон. Попарьтесь под мономаховой... Мысленно, конечно, мысленно... В более поздние, но тоже, как говорится, те еще времена... Что, жарковато стало? Ибо снова в казне — хрен да маленько, дворяне спились — мышей не ловят, Британия из Персий выдавливают. На понт берет, жаба островная! Польша — Огинского в шинках распевает. У Алешеньки вчера из лунки зубной опять кровь остановить не могли. Долго. Повсюду смутьяны и социалисты. Бомбисты. Сергея Александровича, Сережу, Сержа, при срабатывании очередной такой адской машинки разорвало, как лягушку. А реформы, мать их, как им и положено, опять буксуют. Ну как, скажите, императору развлекаться? Чем душеньку потешить, как отвлечься от дум тяжких о судьбе отечества любезного?.. А может быть, так: взять да и сгноить под Мукденом, там, или в Порт-Артуре каком тыщ восемьдесят? А то и все сто — «зачморить». Для счету ровного! А то цифра не круглая какая-то получается. Плюс — эскадры две полного штату рыбкам япономорским скормить?.. Или прикиньтесь, критиканы наши непреклонные, на место отца народов нашего. Вспомните хоть бы знаменитое его: «Киев взять к седьмому числу! К празднику пролетарскому! Что-что, маршал, я не расслышал, повторите! Если к седьмому, то цена вопроса двести тысяч, а если недельки через две, то только пятьдесят? Намотайте на ус, генерал-майоришко: только к седьмому! И ни днем позже! Лично ответите! И не считайте потери, через месяц еще армийки три из Сибири нагоним. Да если уж совсем хватать не будет, лагерные шконки перетряхнем, не погребуем, а доберем. А надо будет — и четыре. Кому церковь не мать, тому Бог не отец! А куда его, народец-то, солить, что ли? Этот потрох сучий — коси, не коси — все равно по пояс в нем ходить будешь!»

Примерчики эти, конечно же, можно продолжать и продолжать, но, думаю, что не изменит сути это. Ибо суть — сказана уже.

При этом не стоит забывать, что и другие государства тоже через это проходили. Еще как! Их, голубчиков, также не миновала чаша сия! Только ведь большинство стран, в которых были такие периоды, как-то все же переболели ими, как дети ветрянкой. Или корью. В смысле стойкого пожизненного иммунитета, невосприимчивости к подобным «забавам» в дальнейшем. В отличие от нас, где хворь эта, зараза, болезнь роста, становления (назовите, как хотите), как-то незаметно, но хронизировалась, вошла в плоть и кровь, стала едва ли не нормой... Конечно, случилось так вовсе не потому, что властители и управители наши российские были сплошь и рядом какими-то наособицу уж плохими, злыми, жестокими или мстительными. Нет, нет и нет! Были, были среди них и не злые, и не глупые, и дальновидные даже...

Лифт судорожно дернулся и остановился. В ноги тупо влилась тяжесть торможения. Долота, даже не глядя на указатель этажей, ориентируясь лишь по времени путешествия, безошибочно определил: восьмой. В лифт неспешно, как челн, всплыла породная женщина в шубе. Шибанул в нос густой аромат духов. Даже дыханье пресеклось. На секунду. Новоприбывшая ткнула наманикюренным пальцем в кнопку, лифт продолжил свое неспешное организованное падение. Долота снова погрузился в себя...

Так вот, были, были — и справедливые, и государственно-мыслящие. Очень цельные натуры встречались. Но гнобили, меж тем, практически все. Почему? А потому, что ничего другого у них не получалось. В принципе. Так, дребезжанье одно. Или — вообще ничего. Ни разумного, ни доброго, ни вечного. В лучшем случае. Ну хоть ты тресни! Лишь народишко, лишь он один не подводил начальников и вождей своих, переводясь легко, становясь